

К вопросу об институализации денежных потоков в Москве в эпоху Средневековья

© 2010 Н.А. Хан

докторант

Институт экономики Российской академии наук

E-mail: Nkha@gazsvuaz.ru

В статье рассматриваются некоторые вопросы денежного обращения Москвы в 1360-х гг., с появления серебряных слитков со штампами. Денежный рынок Москвы выглядит строго сегментированным по институциональному признаку. Если в Кремле выпал клад, состоящий из денег резерва, то на Торговой площади - клад, полученный в результате коммерческой деятельности, несущей ростовщический характер.

Ключевые слова: денежное обращение, Средневековье, Москва, клады, серебряные клейменные полтины, финансовые институты.

Денежное обращение в Северо-Восточной Руси до 1360-х гг. было основано на денежных привозных слитках и меховых деньгах. Сведения, полученные из письменных источников о безналичных расчетах в Москве 1377 г., дают основание предположить существование высокоорганизованной платежной системы. По данным локализаций серебряных слитков-полтин, серебро распространялось в результате торговых отношений, в меньшей степени - платежных. Денежные московские потоки документируются многими кладами и отдельными находками полтин, которые были найдены в Новгороде, Булгаре на Нижней Волге и в Курской области¹.

В современной экономической литературе историю банков и банковского дела России специально изучали Б.В. Ананьич, В.Д. Мехряков, В.В. Дроздов. Весьма интересна данная тема и западным специалистам.

В настоящее время осуществляется публикация источников по истории русской экономической мысли². Д.Н. Платоновым для XVIII в. отмечается "невероятно большое хозяйственное пространство формирующейся национальной рыночной экономики, а также "точечный" и "гнездовой" характер индустриализации³.

Распространение кладов с серебряными слитками-полтинами с центром в Москве позволяет изучить денежное обращение, представленное собственно кладами денежных слитков, обнаруженных в Кремле в 1940 г. и Зарядье в 1967 г. при строительстве гостиницы "Россия". Они имеют практически идентичную весовую норму (ВН), "синхронную" с ВН Лопаревского клада 1890 г. Вятской губернии, составляющей 190,65 г.⁴ Установленный параметр позволил соотнести сокрытие изучаемых кладов с памятниками с 1364 г. Сравнивая по этому показателю московские кла-

ды, нетрудно заметить, что слитковая ВН кремлевского клада отличается от Лопаревского, в то время как Зарядинский клад тяжелее, а забегая вперед, заметим, сложнее по составу и экспликации носителей денежного обращения (190,5/94,76 - 190,65 - 190,86/95,43 г). Последнее позволяет высказать предположение о возможности более точного времени их сокрытия. Это возможно на основе применения инфляционной шкалы, где более "весомая" ВН должна соответствовать более "старшей" по времени тезаврации. Отсюда выясняем, что рассматриваемые памятники денежного обращения по времени сокрытия следует расположить в такой последовательности: Зарядинский - Лопаревский - Кремлевский. Значит, наиболее поздний по дате сокрытия - Кремлевский клад 1940 г.

Если кремлевский клад есть результат одной торгоперации трейдера, связанного с Казанью⁵, то Зарядинский, безусловно, ростовщический. Собственно денежное обращение Москве на основе маркированных полтин было необходимо не столько для политических, сколько для экономических целей. К середине XIV в. денежное обращение на основе серебряных платежных слитков было во всех окружающих Москву государствах - Литве, Золотой Орде и в Новгороде.

Виртуальная денежная масса, созданная в результате действия мультипликатора ввиду наличия целых гривен серебра - рублей в обращении, позволила выявить еще одну особенность денежного обращения Москвы, состоящую в борьбе с инфляцией⁶.

Нумизмат Н.П. Бауер считал, что клейменные полтины принадлежат продукции киевского монетного двора, штампы которых с именем Владимир, могли быть якобы выбиты в Киеве от имени сына литовского князя Ольгерда (1364-1392)⁷.

В отечественной нумизматической литературе трудно найти аналогии или попытки функционального объяснения нанесения штампов на слитки из драгоценного металла. Они не изучались и сфрагистами. Используя информационный подход и историко-экономические методы, можно объяснить практику штемпелевания слитков с целями денежно-кредитной политики. Приведем фотоизображения золотых слитков византийского времени, хранящиеся в банке Англии и Британском музее (рис. 1)⁸.

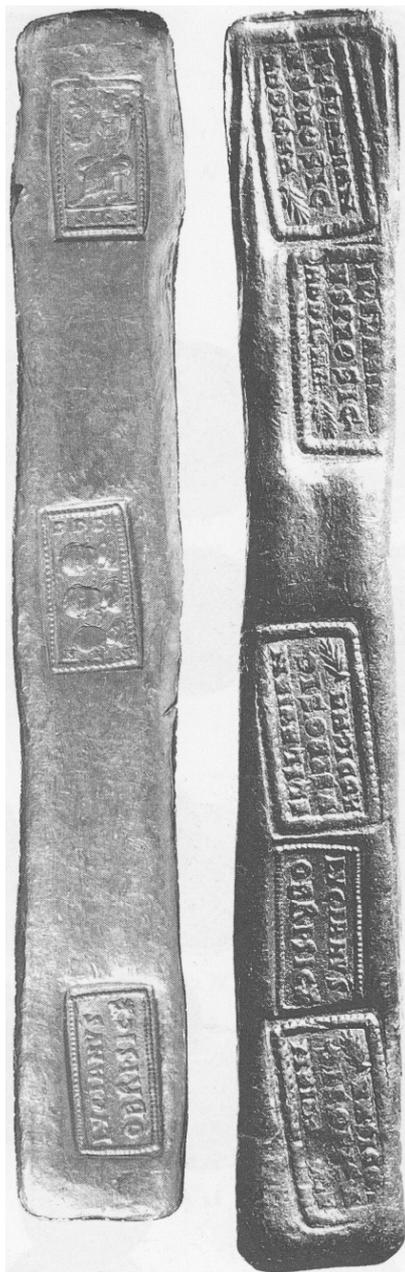

Рис. 1. Золотые клейменные слитки византийского времени (по Р. Хэнди)

Штампы, на них нанесенные, позволили атрибутировать и, естественно, датировать данные платежные средства. Оттиски принадлежат императору Валентиниану II (375-392), а также высшим должностным лицам Валенсу (364-378) и Гратиану (367/75-383) - губернатору и консулу, соответственно. Их последовательность нанесения может быть выявлена с безукоризненной точностью.

С культурологической точки зрения, надписи, в том числе на слитках, являются одним из способов контактов разных культур и цивилизаций⁹.

В денежном обращении маркировку следует рассматривать как стремление управлять ликвидностью оборота денег, сделать его устойчивым и надежным, что привело к учету сальдо баланса в движении серебра как главного валютного металла. Проиллюстрируем это на примерах. В Зарядинском кладе 50 из 62 полтин маркированы, в то время как в кремлевском из 8 только 1. В связи с приведенными выше теоретическими посылами сделаем следующее предположение. Все слитки из Зарядинского клада попали в сбережение из состава повседневного денежного обращения, в то время как немаркированные слитки клада 1940 г. свидетельствуют о наличии резервов в княжеской казне.

Наличие немаркированных слитков, наряду со слитками с клеймами, найденными в одних и тех же кладах, свидетельствует о вводе в обращение новых слитков и (или) сохранении в составе денежного обращения немаркированных слитков в качестве реликта. С целью обслуживания собственных расходов великий князь Московский и Владимирский начиная с марта 1363 г. маркировал требуемое ему число денежных средств, выступал в роли самостоятельного суверенного эмитента, осуществляя необходимые государственные платежи и расчеты, среди которых, в частности, были строительство, содержание аппарата управления и личной дружины, а также церковная десятина. Финансисту становится понятным, что для этого требовался специальный государственный орган, название которого не отложилось в источниках, однако он вбирал в себя функцию и казначейства, и Минфина, и Госбанка, объединяемых в Средневековье одним понятием - казна.

Как показал П.А. Хромов, полтиной в Москве собирались налоги с населения-крестьян и в начале XV в. Едигей требовал оплачивать ими выход¹⁰.

Полтины со множеством числом клейм при наличии клейм серпуховского-боровского князя

показывают, что клеймить полтину от его имени начали несколько раньше, чем они попали к владельцу Зарядинского состояния.

Клад показывает, что получателями средств Владимира Андреевича были 22 субъекта экономических отношений. По клеймам видно, что право эмиссии полтин с оттисками имели помимо Владимира Андреевича и великого князя еще также 6 эмитентов (включая анонимного, представленного неклеяемыми слитками).

Состав клейм на слитках Зарядинского сбережения, найденного в кувшине - спецхранилище, позволяет отнести к нему как к субъекту банковских отношений, который помимо собственных средств (здесь валюта баланса принимается за половину рубля - полтину) принимал средства других субъектов докапиталистических отношений. Соотношение собственных и привлеченных средств по признаку происхождения от имени эмитента Владимира Андреевича в данном депозите выглядит как 19/31, а если суммировать вклады всех "клиентов", то можно установить, что сумма неклеяемых слитков в совокупности со слитками, имеющими только по одному клейму Владимира Андреевича, с "привлеченными" средствами поразительным образом соотносятся как 30 к 32, т.е. это был очень устойчивый, надежный и практически ликвидный "банк".

При сопоставлении активов банка с некоторыми другими макроэкономическими параметрами видно, что при общей сумме "выхода" в Орду Москвы 1500 руб.¹¹ были какие-то резервные деньги, спрятанные "в кубышке"¹².

Совпадение, хронологическое абсолютно случайное, но которое необходимо привести здесь, состоит в том, что, по данным бухгалтерских записей венецианского банкира Пьеро Цанкани от 1362 г., в его банке существовало 24 клиентских депозитных счета, а кроме того, 6 счетов были открыты в наличной валюте, т.е. в металлических деньгах¹³. Конечно, венецианский банк, выросший наверняка из лавки менялы, по своим оборотам превосходил банк из Зарядья, однако совпадение числа клиентов говорит само за себя.

Добавим, что активы такого банка соотносились с пассивами (в пересчете через полтину) не как 15 руб. к 16 таковым же, а как 30 к 32, т.е. в любой момент зарядинский банкир мог предложить рынку 30 денежных единиц-полтин, что явилось следствием снижения номинала денежного обращения. Последнее следует понимать таким образом, что банк был готов инвестировать сроком на 1 год, т.е. располагал свободными своими средствами в означенной сумме, причем в московской валюте.

Пассивы банка - привлеченные средства в количестве 32 полтин (16 руб.). Изучение их структуры позволяет выявить если не емкость кредитного рынка Москвы в период переноса столицы Северо-Восточной Руси из Владимира в Москву, то структуру его кредитного портфеля, помня, конечно, что привлеченные средства - это депозиты частных лиц объемом 1 руб. = 2 полтины. Существует мнение, согласно которому размещение депозита не означает предоставления банком кредита клиентом, а имеет сходство с операцией по залогом¹⁴. В то же время практически все привлеченные средства банкир мог предоставить в качестве краткосрочных займов сроком от 3 до 6 мес., без особого ущерба для ликвидности банка, а соотношение собственного и привлеченного капитала составляет в данном случае 93,75 %, или 1 руб.

Клад документирует и наличие стартового капитала, доставшегося по наследству (2 полтины с буквой "Т", а также заработанный ростовщиком в количестве 11 полтин, которые не имеют маркировки). Это означает, что банкир все средства для своего банка нажил, трудясь в Москве во втором поколении.

Изучение балансов банков Российской Федерации, по данным 2006 г., показало минимальное значение устойчивости банков по нормативам Банка России, а собственный капитал был резко непропорционален активам, что ограничивало возможность кредитования¹⁵.

Выше мы осуществили попытку интерпретировать наличие клейм, принадлежащих исключительно кн. Владимиру Андреевичу, как оплату последним услуг по поставкам и (или) подрядам. Это нумизматическая интерпретация. Интерпретация финансиста будет исходить из того, что на полтины без оттисков - их 11 попали из предшествующего денежного обращения, 19 полтин с именными оттисками печати Владимира Андреевича были вложены государством, которые вместе с полтинами неклеяемыми и составили уставный капитал, по московским меркам, отнюдь не маленького банка. В названном капитале доля государств составила 63,33 % $[19 : (11+19)] \cdot 100 \%$. Это был уполномоченный банк Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата и совладельца Москвы Владимира Андреевича Серпуховского.

Данный анализ был проведен на основании изучения источника. Обратимся к современной теории и истории проблемы, обобщенной А.Д. Некипеловым, заметившим, что появление института финансовых посредников является возможным в результате объективной необходимости снижения транзакционных издержек об-

ращения, в частности на рынке кредита. Это, с одной стороны, а с другой – данный вид деятельности связан с торговой деятельностью на том же рынке кредитных услуг¹⁶.

Таким образом, Зарядинский банк имел уставный, собственный и привлеченный капитал. Выделение активов и пассивов Зарядинского банка методологически весьма важно, оно осуществлено на основе венецианского ведения банковских счетов, учитывающего дебиторскую и кредиторскую задолженность¹⁷. Двучастное разделение счетов существенно повысило качество счетов банков, сделало деятельность их прозрачной, что явилось новым важным и принципиальным шагом в развитии банковских технологий и банковской культуры.

Банковское дело Венеции восходит в своей основе к положению о том, что население, имеющее на руках металлическую наличность, всегда стремилось в своих расчетах и платежах использовать заменители этих денег, это объективно приводило к появлению учреждений банковского типа. Венецианские банки имели довольно сложную и развитую структуру ведения счетов. Существовало два типа вкладов: сберегательные депозиты и текущие счета, движение по которым проводились без изъятия металлических денег. Безналичные операции между клиентами одного банка проводились путем записи в книгах данного кредитного учреждения. В 1356 г. в Венеции был учрежден Государственный банк.

Изоморфия (одинаковость) развития только кажущаяся. Следует иметь в виду, что последний “поиск рациональных реальностей” во всей ее конкретно-исторической полноте – свойство полноценности всех объектов научных исследований¹⁸.

Любая экономическая система, будь то домашнее хозяйство или глобальная экономика, состоит из набора элементов, которые в системном виде как четко выраженные ритмы действуют поступательно в своем развитии. Критериями отделения одного цикла от другого являются кризисы, а их синхронизация позволяет выделить периоды¹⁹. В этой связи, напомним, что

методолого-теоретические основания периодизации советской экономики выявил недавно Л.И. Абалкин²⁰.

События середины 1360-х гг., когда выпали клады, могут свидетельствовать об определенном кризисе. Поэтому данный материал еще предстоит подготовить для обоснованного количественного анализа с указанием перегибов логистической кривой²¹.

В Зарядинском сбережении присутствуют слитки, которые, судя по маркировке, 5-6 раз меняли своих владельцев, имеющих право на нанесение собственного знака-клейма, удостоверяющего право на ведение финансовых дел от имени государства (см. таблицу). Значит, за период с марта 1363 г. по март 1364 г. (условная дата сокрытия клада) максимальный оборот средств в Москве мог составлять шестикратную величину. Большинство полтин имеет разовые оттиски, означающие одноразовость перехода от одного владельца к другому.

Клейма Зарядинского клада – источник, который, исходя из культурологической посылки, состоящей в том, что это своего рода знаки собственности, показывает, что считывание числа данных знаков означает число переходов от одного собственника-владельца этих денег к другому. Это выводит нас на установление скорости денежного обращения, соответствующей рассматриваемому времени. Всего в обороте, превышающем число 1, участвовало 28 слитков, что позволяет сделать первый вывод: половина средств банка только один раз меняла своего владельца, т.е. это были резервы самого банка.

Современные теоретические представления состоят в том, что финансовые ресурсы делятся на 4 группы, где денежные средства банковской системы составляют вторую группу. Они “связаны с производством ВВП, но в большей мере отражают процессы его распределения и перераспределения”²². Известно начало эмиссии – маркирования полтин князьями Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем и даты сокрытия клада, соотносящейся по хронологии с мартом 1363 г. – мартом (условно) 1364 г., со-

Данные для изучения скорости оборота денег по числу штампов
на слитках Зарядинского клада*

Количество клейм	2	3	4	5
Номера слитков	№ 35, 36-41, 44, 52	№ 2, 42, 43, 45-50, 53-55	№ 51, 57-59	№ 56, 60-61
Общее число слитков (полтин)	9	12	4	3 (4)
Всего слитков (полтин)	28 (29)			

* Шорин П.А. Московский клад новгородских денежных слитков // Нумизмат. сб. ГИМ. 1977. Вып. 4, ч. 2. С. 184-186.

ставляющих кредитный период. Именно на этот период, являющийся максимальным, могли быть инвестированы, т.е. предоставлены в качестве “длинных денег”, средства банка.

Максимальное же число оборотов с учетом обладания данными средствами самого банкира составило число 6 – это самые короткие деньги, означающие срок возврата кредита до 2 мес. Однако почти половина кредитных ресурсов банка – 12 из 29 полтин – составляла деньги с числом оборота 4, значит, самые популярные кредиты в Москве были 3-месячные.

Далее, построив графически данные о порядке нанесении клейм, мы получим диаграмму, линейный тренд которой даст важный результат для последующих исследований – средневзвешенную скорость денежного обращения в Москве (рис. 2). По данным Зарядинского клада, она составила 4,7 оборота в год.

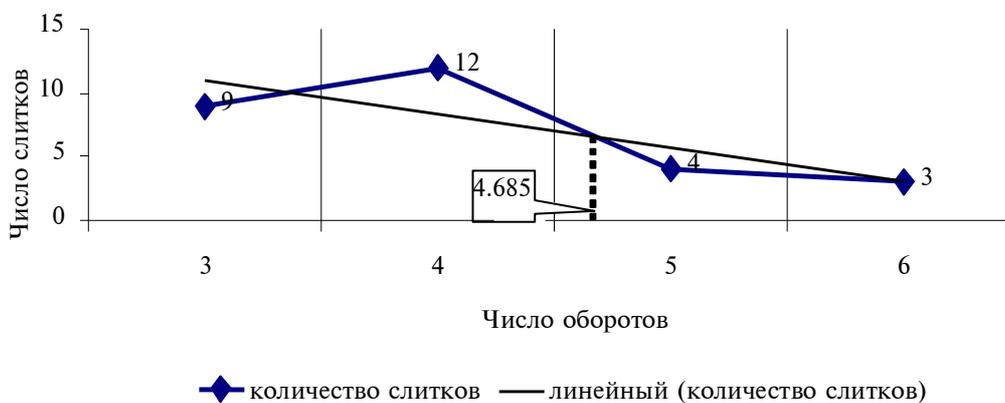

Рис. 2. Скорость денежного оборота по данным Зарядинского клада 1967 г. в Москве

Москва 1360-х гг., из данных источников по социально-институциональному облику, представляла собой типичный для Европы образец феодального градообразования, имеющего определенную экономическую топографию. И хотя банк и госрезервы денег лишь косвенно подтверждают социальную стратификацию московского общества, однако индуктивно они весьма точно свидетельствуют о сегментации именно по данному признаку финансовой и деловой элиты Москвы. Институциональная зависимость названных институтов происходит из самого источника эмиссии денег: единственный оттиск на слитке из кремлевского клада 1940 г. принадлежит кн. Владимиру Андреевичу, что не сравнить в пропорциональном отношении с таковыми же из Зарядинского клада.

Изучая денежное обращение в Византии, английский нумизмат, историк финансов М.Ф. Хэнди, сделал вывод о том, что монетный двор практически всегда имел за собой “управ-

ляющий” орган – казначейство²³. Выявленные здесь госрезервы подразумевают наличие государственного органа, в функцию которого входило управление финансами, носящими общегосударственный легитимный характер. Изученные институциональные связи показывают, что существовала самостоятельная социальная структура, экономически независимая, находящаяся между тем в русле государственной великокняжеской финансовой политики.

Ф. Бродель писал, что человеческую цивилизацию в Средневековье потрясли два климатологических фактора – это голод и эпидемии. В 1364–1365 гг. по Руси, захватив Москву, прокатилась чума, от которой, в частности, скончался брат и соправитель кн. Дмитрия Ивановича Иван Иванович. Если клад из Зарядья 1967 г. не связан с холерой хронологически, поскольку был сокрыт за три месяца до эпидемии, то Крем-

левский 1940 г. имеет хронологию, соотносящуюся с распространением болезни²⁴. После чумы на Москву в 1365 г. летом свалилась новая напасть – пожар – третий кошмар средневековых городов, имеющих деревянную архитектуру²⁵. Сгорел весь город. Пожар охватил и Кремль, именно тогда-то и был сокрыт клад 1940 г., что случилось не позднее конца августа 1365 г.

Отмеченные данные свидетельствуют о Москве как о центре экономической жизни и финансово-кредитной политики Северо-Восточной Руси, когда были рассмотрены данные на слитках. Здесь же в Кремле были найдены письменные документы финансового характера, принадлежащие последнему тысяцкому И.В. Вельяминову²⁶, нуждающиеся в специальном историко-экономическом осмыслении.

В целом, наличие развитой институциональной основы, в том числе и международного уровня МВФ и Всемирного банка, является важной составной частью рыночных реформ и спо-

способствует преодолению кризиса, пишет, в частности, Дж. Стиглиц²⁷.

Великокняжеская власть использовала предшествующие достижения, ввела в состав денежного обращения новый тип для Восточной Европы денежного инструмента - маркированную полтину, что свидетельствует о точно выбранном политическими кругами Москвы курса на получение полного суверенитета от Орды, имеющего под собой экономическое основание. Но сделала это Москва, опираясь на технологический опыт Новгорода, когда тот уже во второй половине XV в. начал чеканить монеты для Москвы с арабской легендой²⁸. Так, в первой половине 1360-х гг. был осознанно сделан первый шаг в создании общерусской федеральной финансовой системы.

Денежный рынок Москвы выглядит строго сегментированным по институциональному признаку. Если в Кремле выпал клад, состоящий из денег резерва, то на Торговой площади - клад, полученный в результате коммерческой деятельности, несущей, несомненно, ростовщический характер.

Данная политика, имеющая общегосударственные основы, выражалась в создании высокоорганизованной иерархической структуры, имеющей свое методологическое и институциональное обеспечение, что позволяет говорить о специальном валютном и банковском регулировании.

¹ Шорин П.А. Московский клад новгородских денежных слитков // Нумизмат. сб. ГИМ. 1977. Вып. 4, ч. 2. С. 184-186.

² Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. Т. 3: Эпоха социальных переломов / отв. ред. тома А.Г. Худоркомов. М., 2005. С. 690-696.

³ Платонов Д.Н. Историческое своеобразие хозяйственных систем и особенность экономической эволюции России // Историко-экономический альманах. Вып. 1. М., 2004. С. 101.

⁴ Хан Н.А. К истории налогов и сборов на Вятке // Вестн. РАН. 2004. Т. 74. □ 8. С. 712-714.

⁵ По мнению А.Г. Мухамадиева, Булат Тимур (1361-1367) был первым, кто начал чеканить монету в Булгаре - Гюлистане (ал-Джедид). Причем исследователь отождествляет Булгар, Гюлистан и Гюлистан ал-Джедид с Казанью (см.: Мухамадиев А.Г. Древние монеты Казани. Казань, 2005. С. 171-172).

⁶ Красавина Л.Н. Проблема денег в экономической науке // Деньги и регулирование денежного обращения: теория и практика. М., 2002. С. 31-34.

⁷ Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters: Eine archaologische Studie // Numismatische Zeitschrift. Bd. 64. Wien, 1931. S. 85/69.

⁸ Hendy M.F. Studies in the Byzantine Monetary Economy. Camb., 1985. □ 9, 10. P. 13, 713.

⁹ Franklin S. Writing society and Culture in Early Rus. Camb., 2002. P. 51.

¹⁰ Хромов П.А. Очерки экономики феодализма в России / АН СССР. Ин-т экономики. М., 1957. С. 318-319.

¹¹ Павлов П.Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Учен. зап. Краснояр. гос. пед. ин-та. Т. 13. Серия историко-филолог. Вып. 2. Красноярск, 1958. С. 101.

¹² В Новгороде, по данным на конец XII в., действовали ростовщики, имеющие соотношение активов и резервов как 1 к 6.

¹³ Mueller R.C. Bank money in Venice, to the mid-fifteenth Century // La moneta nell' economia Europea. Secoli XIII-XVIII. La Monnier: Institutio Internazionale di Storia Economica "F. Datini". Prato, 1981. P. 80.

¹⁴ Бурлачков В.К. Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России. М., 2003. С. 51.

¹⁵ Рыбин Е.В. Экспансия иностранного банковского капитала в Россию // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2008. □ 1. С. 82-83.

¹⁶ Подробнее см.: Некипелов А.Д. Становление и функционирование экономических институтов: от "робинзонады" до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М., 2006. С. 149.

¹⁷ Mueller R.C. Op. cit. P. 81-82.

¹⁸ Платонов Д.Н. Указ. соч. С. 93.

¹⁹ Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. Т. 1: Теория и история цивилизаций. М., 2006. С. 104-109; 348-351; 354-355.

²⁰ Абалкин Л.И. Страницы исторической памяти. М., 2007. С. 50-62.

²¹ Подробнее о методике см.: Нижнегородцев З.М. Методологические основы исследования // Обучение рынку / под ред. С.Ю. Глазьева. М., 2004. С. 56.

²² Сенчагов В.К. Консолидация финансовых ресурсов государства и бизнеса: возможность и перспективы // Вестн. Ин-та экономики РАН. 2008. □ 2. С. 126.

²³ Hendy M.F. Op. cit. P. 384.

²⁴ Осторожность в датировке Кремлевского клада С.В. Зверева вполне оправдана.

²⁵ Подробнее см.: Кучкин В.А. Великий пожар 1365 г. // История Москвы с древнейших времен. Т. 1. М., 1997. С. 51-52.

²⁶ Кучкин В.А. Документы кремлевской находки 1853 г. - часть архива московских бояр Вельяминовых // Первые московские градоначальники и их московское боярство: традиции и современность: материалы юб. науч.-обществ. конф. М., 1998. С. 21-30.

²⁷ Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 170, 175.

²⁸ Сотникова М.П. Отзыв о монографии В.В. Зайцева "Русские монеты времени Ивана III и Василия III // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2007. С. 210.

Поступила в редакцию 03.10.2010 г.